

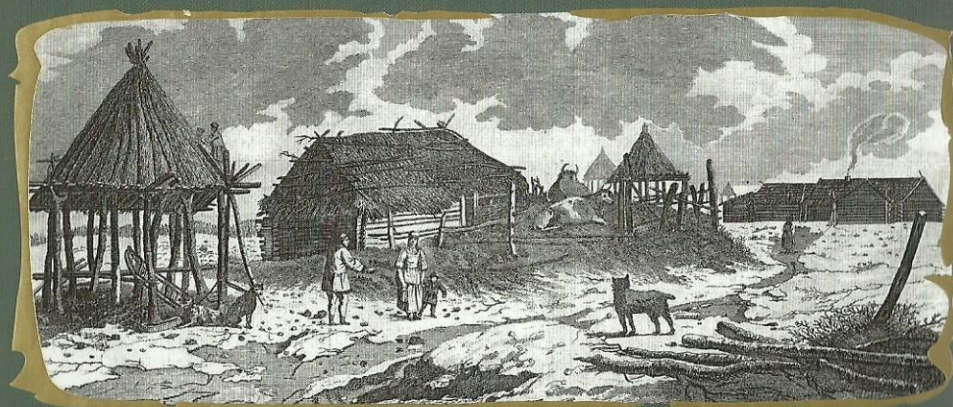

КАМЧАТСКИЙ
КРАЕВОЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ
МУЗЕЙ

СЕРИЯ
«ИЗ ФОНДОВ
МУЗЕЯ»

Д. П. Логинов

Большерецкий острог

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

Д. П. ЛОГИНОВ

БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ОСТРОГ

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2012

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)
Л69

Редакционная коллегия:

О. В. Ефимова, С. В. Графская, Н. А. Конышева,
С. В. Гаврилов

Логинов Д. П. Большеперцкий острог. — Петропавловск-
Л69 Камчатский: изд-во холд. комп. «Новая книга», 2012. —
240 с., ил.

ISBN 978-5-87750-221-5

Изданием рукописи «Большеперцкий острог» уроженца Камчатки, потомка коренных жителей полуострова — ительменов и пришедших сюда русских казаков, Дмитрия Павловича Логинова Камчатский краевой объединённый музей окрывает серию публикаций уникальных материалов, хранящихся в его фондах.

Издание осуществлено с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края. Рассчитано на специалистов-историков, краеведов, музейных работников, лиц, интересующихся историей Северо-Востока России.

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)

Ответственная за выпуск О. В. Ефимова

Редактор С. В. Гаврилов

Книга издана на средства Министерства культуры Камчатского края, КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» и президента холдинговой компании «Новая книга» С. П. Кожана

ISBN 978-5-87750-221-5

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2012
© КГБУ ККОМ, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В фондах Камчатского краевого объединённого музея хранится рукопись камчатского уроженца Дмитрия Павловича Логинова, названная им «Большеперцкий острог» и посвящённая малой родине — старинному селу Большеперцку (единица хранения ККМГИ 17111). Над этой рукописью автор, понимавший, что является одним из последних очевидцев жизни населения Камчатки первой четверти бурного XX века, трудился не один год. Основную часть работы он завершил в декабре 1978 года, но на протяжении нескольких последующих лет совершенствовал свой труд и пополнял его новыми сведениями, в том числе уникальными, не встречающимися в трудах других исследователей, не только краеведов, но и профессиональных учёных, а также в воспоминаниях старожилов полуострова.

С самого начала своей, без всякого сомнения, титанической работы Д. П. Логинов предполагал сделать её достоянием камчатского музея, а затем с его помощью — широкой общественности. На склоне лет, 30 января 1982 года, он писал руководству музея: «Ваша организация является хранителем истории народов Камчатского полуострова. Я проживал в родном селе с 1910 по 1928 год. Незабываемая сторонюшка дорога мне. Хочется, чтобы о ней больше знало теперешнее и будущее поколение. Ведь это духовная пища для патриотизма... Я так много затратил труда, сил и денежных средств, “копаясь” в исторических книгах библиотек, опрашивая земляков. Совершил для этой цели специальную поездку в 1970 году из Хабаровска в Большеперцкий совхоз и его районный центр. В части пользования рукописью я заинтересован в наибольшем числе...»

Со времени написания этого письма прошло тридцать лет, и только теперь музею представилась возможность опубликовать рукопись, по сути, выполнив завещание автора, потомка первых русских поселенцев, прибывших на Камчатку на рубеже XVII—XVIII веков, и ительменов — исконных обитателей этой удивительной земли.

Но прежде чем предоставить слово Д. П. Логинову, попытаемся восстановить основные вехи истории Большерецка, используя накопленные статистические данные и опираясь на материалы классических трудов нескольких поколений исследователей Камчатки — С. П. Крашенинникова, А. С. Сгибнева, В. К. Маргаритова и В. Н. Тюшова.

В начале XVIII века русские люди, ведомые железной волей царя Петра I, вступили на берега Балтийского моря. Двигавшиеся на восток «встреч солнцу» первопроходцы вышли к Тихому океану. Так в общих чертах сложилась территория Российского государства. Вскоре на обеих окраинах будущей империи застучали топоры: на берегу Невы поднимался новый град по европейскому образцу, а на Камчатке было заложено Большерецкое зимовье, вскоре ставшее главным пунктом полуострова. Отсюда началось освоение его юго-восточной части и Курильских островов. Сюда из Охотска — первого тихоокеанского порта России — на Камчатку прибывали служилые люди и участники великих экспедиций.

В 1700 году из Якутска на Камчатку был послан сын боярский Т. Кобелев, собравший ясак с жителей западного побережья вплоть до реки Озерной. Для укрепления русской власти он заложил на реке Большой в пятидесяти верстах от её устья острог.

В 1704 году на Камчатку прибыл пятидесятник В. Колесов с казачьей командой. На Большой реке он построил «зимовье для ясачного сбора». Разобщённость среди русских умалила их силу в глазах камчадалов, решивших избавиться от незваных пришельцев, истребив всех казаков, живших по острогам. По выезде Колесова с полуострова большерецкие камчадалы, «в то время называвшиеся ительменами», напали на

зимовье, уничтожили его и перебили всех своих угнетателей — служилых людей во главе с закащиком Д. Ярыгиным.

В 1709 году на Камчатку пришла новая партия служилых под началом сына боярского П. Чирикова. Во время его управления казачий пятидесятник И. Харитонов предпринял неудачный поход на Большую реку для усмирения «немирных» аборигенов. При этом погибли восемь русских, многие были ранены, а остальные спаслись бегством.

В 1711 году против произвола собственных предводителей восстали уже сами казаки. Они убили всех трёх тогдашних камчатских закащиков: П. Чирикова, О. Миронова и В. Атласова. Восставшие, коих было семьдесят пять человек, разделили пожитки убитых и избрали своим атаманом казака Д. Анциферова, а есаулом — И. Козыревского. Теперь ясак с аборигенов, которых насчитывалось до десяти тысяч человек, собирали эти «бунтовщики».

В апреле 1711 года из Верхнекамчатского острога они послали в Якутск челобитную, в которой объяснили, что убили закащиков за разные злоупотребления. Чтобы загладить свои преступления, пошли на Большую реку и приступом взяли тамошний камчадаловский острожек. Здесь расположились на отдых и положили основание новому Большерецкому острогу, окружив его земляным валом.

22 мая 1711 года к острогу подступило множество камчадалов и курильцев. На другой день находившийся при казаках архимандрит Мартиниан отслужил молебен и благословил их на битву. После этого осаждённые сделали вылазку, напали на осаждавших и разбили их. По донесению казаков, урон камчадалов оказался так велик, что их телами была завалена Большая река. Русских же погибло всего трое и несколько ранено.

После этого казаки пошли в «Курильскую землицу», первыми из русских на небольших байдарках попав на Курильские острова. В сентябре 1711 года они возвратились в Большерецк.

В 1713 году отсюда вышла вторая экспедиция на Курилы. В одном из её донесений сообщалось: «От Камчатской

земли морем до первого острова парусом бежать день, на второй остров половину дня гребли...»

В 1716—1717 годах казак-мореход К. Соколов совершил на судне, построенном в Охотске, плавание вдоль берегов Ламского (Охотского) моря и открыл кратчайший путь на Камчатку к устью реки Большой.

В 1718 году на полуостров морем прибыли участники «Большого Камчатского наряда». Камчатским приказчиком стал сын боярский В. Качанов. Ему поручено основать город на Большой реке — самом удобном месте для якорной стоянки и зимовки приходивших из Охотска судов. Кроме того, приказано со служилыми, посланными с ним из Якутска, и большеерецкими казаками построить в удобном месте крепость, где хранить собранную со всех острогов ясачную казну до отправления её в Якутск, казённое имущество и содержать аманатов (заложников).

Из Большеерецкого острога Качанов послал в поход на «отложившийся» от русской власти Воровской острожек сына боярского М. Мухоплева с тридцатью казаками. Они разорили и сожгли три поселения, перебив почти всех жителей.

Осенью 1719 года на уходившем в Охотск судне большеерецкие служилые отправили несколько соболей для покупки Нового Завета для здешней церкви, а также донос в Якутск на Качанова, что причинами «измены», то есть камчадальского бунта на реке Воровской, были его неверные распоряжения. Качанову удалось бежать с Камчатки, а планы создания в Большеерецке города и крепости не осуществились.

В начале сентября 1719 года в Большеерецк прибыл приказчик И. Харитонов, затем обосновавшийся в Верхнекамчатске. Вскоре аборигены убили Харитонova вместе с девятью казаками. Управление Большеерецком принял узнавший о смерти Харитонova казак Лукашевский, отправивший собранный ясак в Охотск. После Харитонova назначен в Камчатку сын боярский С. Бобровский. Ему поручено заведовать Верхнекамчатским и Большеерецким острогами.

В июне 1723 года в управление Большеерецким острогом вступил служилый А. Попов. Он получил «острог деревян-

ный, стоячий тын, на западном углу казённый амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казёнка, в которой Воровской реки аманатов пять; две медные пушки; казаков сорок человек».

В 1726 году в Большеерецке, по донесению участника экспедиции В. Й. Беринга мичмана П. А. Чаплина, было семнадцать дворов и часовня. Чаплин определил расстояние от Охотска до Большеерецка, составившее чуть больше шестисот миль, «а русскими верстами 1 051,27 версты».

Осенью 1727 года в Большеерецк прибыл сам В. Й. Беринг с двумя судами, заполненными экспедиционными припасами. Эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск через весь полуостров (более восьмисот вёрст) по рекам Быстрой и Камчатке на батах местных жителей, а между реками зимою — в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Кроме грузов, камчадалы перевозили на собаках и самого Беринга со всей командой. Это распоряжение привело их хозяйства в большое расстройство, так как они потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Большая часть собак издохла от тяжёлых продолжительных работ. Аборигены же не получили за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

В 1737 году М. П. Шпанберг послал на Камчатку бот «Фортуна» с подштурманом Е. Родичевым и геодезистом И. Свистуновым за смолою и для постановки вех в тамошних гаванях, в том числе и Большеерецкой.

В 1738 году Шпанберг из Большеерецкой гавани на трёх судах отправился в Японию. Пройдя вдоль Курильской гряды, в середине августа он вернулся обратно на зимовку, во время которой было построено ещё одно судно — шлюп «Большеерецк». В этом же году на устье реки Большой поставлен высокий деревянный маяк. Через несколько лет его смыло, а с 1748 года устье реки стало менять своё положение. Старое устье совсем замыло в 1750 году.

В 1739 году майор В. Ф. Мерлин, прибывший для расследования камчадальского бунта, заложил в Большеерецке новую

церковь. В этом же году штурман И. Ф. Елагин с байдары описал западный берег полуострова от Большерецка к югу до мыса Лопатки. В 1742 году эту опись продолжил от Большерецка к северу до реки Паланы геодезист М. Ушаков, теперь уже на собаках.

В 1740 году новый камчатский командир П. Колесов избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, и с этого времени все распоряжения по Камчатке делались от имени большерецкой канцелярии. В этом году приказано переселить на Камчатку до пятидесяти крестьянских семейств. Им предстояло заняться развитием местного земледелия ввиду дорогой и тяжёлой доставки хлеба из России. Часть людей поселили в Большерецком остроге. В 1743 году камчатский командир П. Борисов оставил здесь девять семей, пять переселил в Верхнекамчатск и шесть — в Нижнекамчатск. Так в Большерецке начались ежегодные посевы зерновых, но урожай ржи, ячменя и ярицы оказался так ничтожен, что его не хватало даже для нужд переселенцев, которые были вынуждены для прокормления заняться другими работами.

В 1741 году по распоряжению В. Й. Беринга и начальника Охотского порта А. М. Девиера в Большерецке открылась школа на двадцать учеников. В ней учительствовал сосланный поручик Пражевский. Осенью М. П. Шпанберг вновь прибыл со своим отрядом в Большерецк. Перезимовав здесь, 23 мая 1742 года он отправился с четырьмя судами в Японию и после «некоторых поверхностных исследований, не принесших никакой пользы науке», вернулся в Охотск.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. В. Стеллер отметил преимущества Большерецка перед другими острогами: «Там есть в изобилии рыба... Все купцы и суда из Охотска прибывают к Большой реке... В настоящее время столь выгодная торговля морским бобром сосредотачивается почти исключительно на Большой реке... Вследствие того, что на Большой реке есть пристань и гавань для охотских кораблей, тут всегда проживает комендант».

Подробно описал острог тех времён выдающийся исследователь С. П. Крашенинников: «...стоит на северном бере-

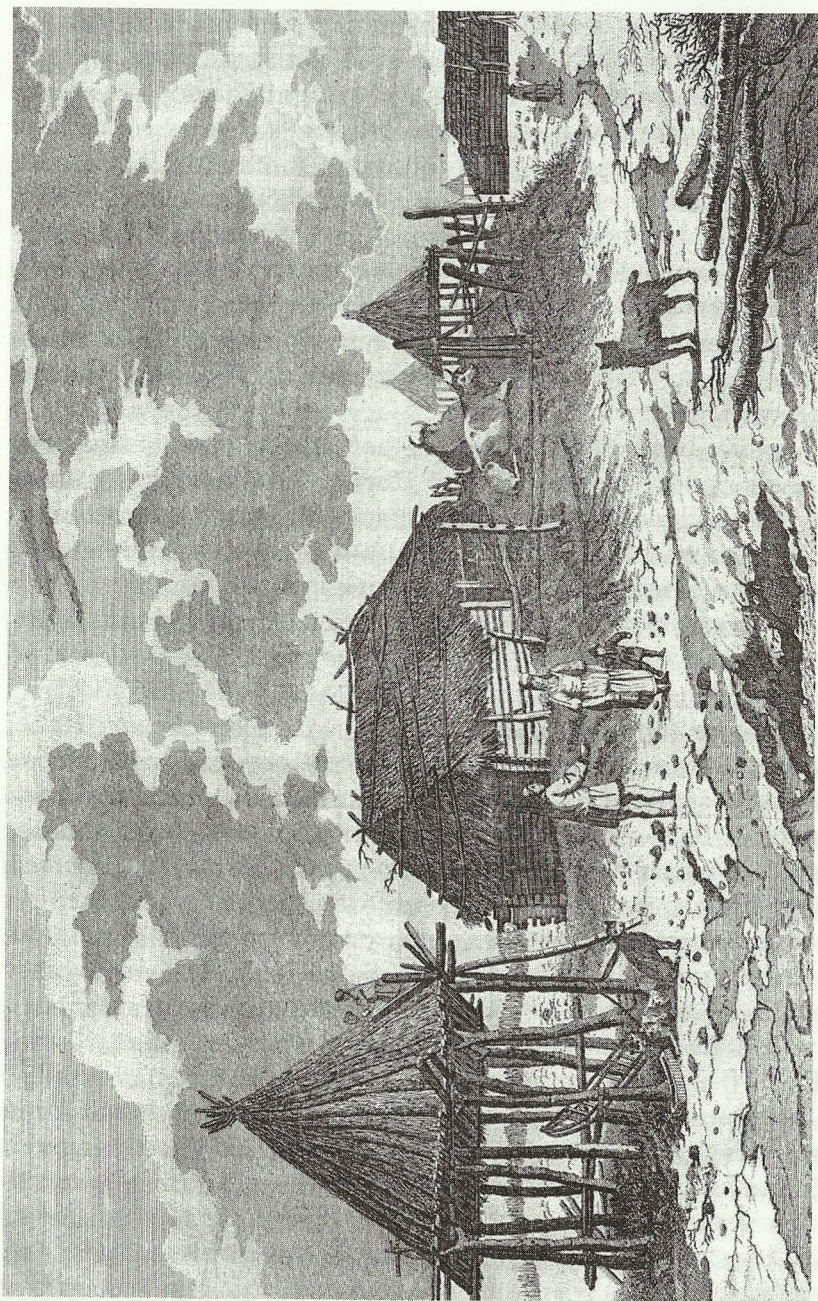
гу Большой реки между впадающими в оную посторонними реками Быстрою и Гольцовкою в тридцати трёх верстах от Пенжинского (Охотского. — *Ред.*) моря. Крепость во оном остроге четверугольная, во всей стороне по десять сажен...»

В остроге времён Крашенинникова имелись: «...ясачная изба, аманатская казёнка, анбар для содержания аманатской юколы, да двоежилой анбар, в котором ясашная казна хранится. За острогом строена часовня, что ныне уже церковь во имя Николая Чудотворца, с колокольнею на столбах... Обывательских строений по разным островам тридцать, кабак с винокурнею, служилых сорок пять человек, да казачьих детей четырнадцать человек».

В июле 1745 года в Большерецк с проповеднической миссией прибыл архимандрит Иосиф Хотунцевский, которому среди прочего поручалось учредить на Камчатке школы. В этом же году на большерецкий берег выкинуло судно (бусу) с десятью японцами, плывшими на Курильские острова. Хотунцевский окрестил их, и впоследствии они были учителями в иркутской японской школе.

В сентябре 1768 года приключилась большая беда: из Охотска на казённом судне в Большерецк завезли оспу. Началась эпидемия, охватившая весь полуостров. Умерших не успевали хоронить. В то время на Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала приказания, чтобы «больных содержали в тёплых избах, кормили свежей рыбою, не позволяли пить холодного». Этим были исчерпаны меры, принятые против эпидемии. Оспа свирепствовала до конца июля 1769 года. Она произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни единого человека. Тела умерших гнили, не преданные земле.

В 1770 году в Большерецк отправлен ссыльный словак М. Беневский. Здесь он быстро заслужил к себе расположение начальства и сошёлся с другими ссыльными. Разобравшись в обстановке, Беневский решил организовать заговор, кончившийся тем, что бунтовщики убили камчатского командира Г. Нилова, захватили канцелярию, казначейство и провиант и уплыли с Камчатки на стоявшем в Большерецке судне.

Вид города Большерецка, столицы Камчатки. Английская гравюра XVIII века (из фондов КГБУ ККОМ)

Камчадал и камчадалка. Английские гравюры XVIII века (из фондов КГБУ ККОМ)

Внутренний вид зимнего жилища камчатских обитателей. Английская гравюра 1784 года (из фондов КГБУ ККОМ)

В 1772 году в Большерецке и Нижнекамчатске насчитывалось «военных служащих»: один дворянин, четыре сотника и восемьдесят один «нижний чин». В 1774 году в Большерецке пребывали полторы сотни «военных служащих».

В 1773 году командир Камчатки Т. И. Шмалев составил описание Большерецка: «Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская большерецкая канцелярия... Казённого строения: канцелярия, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок двадцать три, обывательских домов сорок один. Жительствоуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения ещё никакого не имеется».

В 1773 году прибыл назначенный главным камчатским командиром премьер-майор М. К. фон Бем. Он много сделал для улучшения жизни на полуострове. В военной школе Большерецка по штату должны были учиться пятнадцать человек. Бем увеличил их число вдвое и приказал обучать детей аборигенов. Учителями в школу назначали грамотных унтер-офицеров. Бем устроил в Большерецке больницу, в которую по его ходатайству назначен лекарь Робек — первый медик, прибывший на Камчатку на постоянную службу.

В октябре 1775 года Бем распорядился провести глазомерную съёмку для составления карты полуострова от Большерецка до Тигиля и обратно по морю и суше. Этим занимались штурманские ученики под наблюдением штурмана Г. Измайлова, окончив её 25 февраля 1776 года.

В конце апреля 1779 года в Большерецк из Петропавловского порта прибыл курьер с известием, что 18 апреля в гавань пришли два английских военных судна под команду капитана Ч. Клерка. Вскоре делегация англичан прибыла в Большерецк с визитом к камчатскому командиру. В начале мая довольные тёплым приёмом англичане отправились обратно «с принадлежащим почтением и пушечной пальбой».

Бем предполагал перенести управление Камчаткой из Большерецка в Тигиль. В сентябре 1780 года на Камчатку прибыл новый главный командир Ф. Ф. Рейнеке. Он хотел осуществить предложение Бема, но из-за постоянного недохо-

да рыбы в реке Тигиле отменил своё намерение. После этого Рейнеке привёл в порядок здания в Большерецке и построил там новую церковь.

В 1783 году учреждена независимая от Якутска Охотская область, в состав которой вошла Камчатка, разделённая на три округа: Ижигинский (Гижигинский), Акланский и Нижнекамчатский. Рейнеке предписано «открыть» города: Ижигинск, Акланск и Нижнекамчатск с их округами и присутственными местами. Городничим на Камчатку назначен коллежский ассессор Орленков с тем, чтобы он жил в Нижнекамчатске и управлял всем полуостровом по инструкциям охотского коменданта. Рейнеке перенёс управление Камчаткой из Большерецка в Нижнекамчатск и 27 февраля 1785 года открыл там присутственные места.

Так Большерецк перестал быть «камчатской столицей».

Впрочем, в начале апреля 1791 года произошло сильное землетрясение, которое особенно чувствовалось в Нижнекамчатске, где с домов попадали трубы и обрушились крыши. Камчатский командир В. Т. Шмалев, напуганный буйством стихии, писал в Иркутск о необходимости уничтожения Нижнекамчатска и перенесения управления полуостровом обратно в Большерецк, так как, по его предположениям, «город Нижнекамчатск в самом непродолжительном времени должен был провалиться». Но всё осталось по-прежнему.

В 1801 году в Большерецке размещалась рота полка А. А. Сомова из девяноста трёх человек. Прибытие на Камчатку воинских сил, назначенных противостоять возможному покушению неприятеля, сопровождалось эпидемией «гнилой горячки», унёсшей жизни почти двух тысяч человек, распространением венерических заболеваний и очередным оглощением местных жителей. От болезней вымерло почти всё население между Авачинской губой и устьем реки Камчатки. Большерецкие казаки с семьями по указанию иркутского губернатора Б. Б. Леццано были переведены к устью реки Камчатки «для содержания караула».

В 1803 году император Александр I приказал камчатскому коменданту генералу П. И. Кошелеву завести в Большерецке

солеваренный завод. В январе 1811 года по императорскому повелению был организован комитет, которому следовало разработать предложения по совершенствованию управления Камчаткой и Охотским краем. Предполагалось, что теперь центральным пунктом Камчатки станет Петропавловская гавань. Комитет составил «Положение о Камчатке», утвержденное царём 9 апреля 1812 года.

В числе девяти пунктов положения был и такой: «Отменив ход транспортных судов из Охотска в Нижнекамчатск, Большерецк и Тигильскую крепость, по неудобству и опасности пристаней сих мест, постановить, чтобы все транспорты с провиантом и другими для Камчатки потребностями, из Охотска отправляющиеся, приходили, кроме следующих в Ижигу, в одну Петропавловскую гавань».

Отныне Большерецк из некогда первого морского порта и административного центра полуострова превратился в небольшое, рядовое и труднодоступное камчатское селение, в котором обитала всего лишь сотня жителей. Тем не менее, его история продолжилась, хотя теперь и не столь наполненная событиями, как раньше.

В 1817 году по ходатайству П. И. Рикорда, начальника Камчатки, назначенного сюда «из морских офицеров», для снабжения жителей продуктами в случае голода из-за периодические случавшихся «недоходов» рыбы были завезены провиантские склады в главных пунктах полуострова, в том числе и Большерецке, куда продовольствие могло доставляться по воде.

По итогам переписи 1818 года Большерецк населяли шестьдесят восемь русских жителей.

В 1837 году в селе построили новую церковь.

Зимой 1853 года его посетил первый камчатский губернатор генерал-майор В. С. Завойко, совершавший объезд вверенной ему в управление Камчатской области. По его распоряжению прапорщик Большунин снял план Большерецка.

В 1868 году в селе было всего двенадцать домов. В них размещались восемь десятков жителей. Здесь имелась православная церковь и пристань для морских судов. Расстоя-

ние до Петропавловска по почтовому тракту составляло сто семьдесят восемь вёрст.

В 1876 году Большерецк населяли девяносто девять человек. По условиям они делились так: четырнадцать казаков, из которых на службе состоял только один, двадцать три духовных лица, два отставных нижних чина, пять камчадалов, пятьдесят пять крестьян. Грамотных насчитывалось пятнадцать человек. В селении имелась церковь и тринадцать домов, а всего здесь насчитывалось пятьдесят семь построек, в том числе одна кузница, семь бань, шестнадцать балаганов. Жители содержали двадцать лошадей, пятьдесят восемь коров и сто восемьдесят две собаки. За год сельские выловили почти семьдесят пять тысяч рыб лососёвых пород, добыли сто тридцать нерп, тридцать три выдры, восемнадцать медведей и девять соболей.

В конце XIX века петропавловский уездный врач, известный исследователь полуострова В. Н. Тюшов сообщал: «В настоящее время Большерецкое селение является единственным русским поселением на дороге от Петропавловска до Тигиля на западном берегу полуострова. Расположено оно крайне невыгодно на островах, образуемых протоками Монаковой, Мостовой и Паренчиной, которые во время половодья затопляют селение, и жителям приходится, чтобы пройти друг к другу, прибегать к батам. Небольшие домики... разбросаны без всякого плана, кому где вздумается, малы, и, в общем, селение производит крайне унылое грустное впечатление...

В этом селении имеется одна церковь — ветхое полуразрушившееся здание, подпертое со всех сторон брёвнами в предупреждение от падения. Тут же неподалеку от старой церкви строится на том же кочковатом болоте новое здание под церковь. Есть школа...

Маленькие хатки, по обыкновению, не проконопачены; полы однорядные, точно также и оконные рамы. Большинство оконных рам вместо стекол имеют полотнища, сшитые из медвежьих кишок. Такое окно пропускает очень мало света, но зато при каждом открывании и закрывании домовых двери или при сильном ветре сильно шумит, хлопая. Печи

сложены из самодельного необожжённого кирпича на деревянных опечках; из такого же обыкновенного кирпича складывается труба над крышей. Чистая комната, или горница, обыкновенно имеющаяся в каждом домике, содержится при крайней бедности жителей в возможной чистоте. Часто вы найдёте стены и потолок её окрашенными в разные цвета глинами. Печь красится всегда...

Учителем там состоит полуграмотный камчадал Кихчикского селения Павел Уксусников, обязанный своею грамотностью проживающему в Петропавловске торговцу Петру Косыгину, который за время своих долгих поездок по Камчатке по торговым делам в часы досуга не одного камчадала обучил, хотя и азам грамоты. Спасибо и за это человеку, который сам едва дошёл самоучкой до разбирания печатного и писанного. Всё население не превышает сто душ».

А вот описания селения, датированное 1923 годом (как раз в это время там жил, будучи подростком, Д. П. Логинов): «Жилых домов — тридцать один, тёплых сараев — двадцать восемь, холодных сараев (служащих для юколы) — двадцать пять, бань — десять, амбаров — пятнадцать. Население приблизительно сто пятьдесят человек, преимущественно камчадалы, русских всего трое. Все жители исповедуют православную религию. В селении есть церковь, есть священник и диакон (камчадалы), есть также школа, учитель также камчадал. Жители малограмотны, есть и совершенно неграмотные.

Недалеко от селения проходит телеграфная линия. Конторы (почтовой. — *Ред.*) нет, так как таковая находится в селении Усть-Большерецком и в селении Апача. В селении находится отделение фирмы “Гудзон Бей”, продаются продукты продовольствия, мануфактура, галантерея, железные и скобяные товары. Купли и продажи на деньги почти не существует, происходит, главным образом, обмен товаров на пушнину. Кроме фирмы “Гудзон Бей” часто приезжают скупщики пушнины (также идёт обмен), как-то Апиев, Абдул, Морозов от фирмы Петрова и китайцы, всё это коммерсанты из Петропавловска.

Население замается зимой охотой, а летом рыбной ловлей, рыба сдаётся на рыбалки в обмен на продукты. Кроме пушной охоты, жители охотятся также на медведей. Мясо идёт в пищу, а кожа на выделку обуви, режут ремни и другое. Охота производится, главным образом, весной и осенью, летом почти не охотятся, так как в это время происходит лов рыбы. Кроме этого занимаются скотоводством. Разводят коров и лошадей. Других животных, как-то: свиней, овец и домашней птицы совершенно нет, в силу того, что всё это уничтожается собаками. Бывают случаи, что собаки заедают и коров. Коров в селении около шестидесяти штук и лошадей около двадцати. Каюрщиков в селе двадцать шесть человек. Собак около трёхсот двадцати.

Способы передвижения: зимой исключительно на собаках и летом на лошадях и батах по речкам. Большерецк стоит на реке Быстрой (Большой). Река многоводная и быстрая, как показывает само название, есть несколько и мелких речек. По реке Быстрой и идёт главный лов рыбы. С апреля начинают идти гольцы (идёт в пищу как жителям, так и собакам), затем красная рыба (сравнительно немного) и, главным образом, горбуша.

Из Большерецка дорога идёт в Усть-Большерецк или, иначе, в Хайковую падь, которая лежит в тридцати верстах. Тракт проходит через несколько мелких речек (проложены мосты) и через Быструю. Последнюю надо проезжать на батах. Мост построить нельзя в силу изменения уровня воды, большого скопления льда, а также изменения русла. Местность — по большей части ровная тундра, местами покрытая лесом, преимущественно берёзой, так называемой каменной, встречаются ольха и ветла. Недалеко от селения есть хорошие сенокосы, так что сена запасают достаточно».

В связи с частыми затоплениями во время весеннего разлива рек по ходатайству жителей с 1928 по 1931 годы село было перенесено на другое место. Так завершилась история старинного Большерецка, а на карте Камчатки появилось новое селение — Кавалерское...

С. В. Гаврилов

*Между семи реками стоит
российский острог,
Большерецким называемый.
С. П. Крашенинников*

ОТ АВТОРА

Моей задачей являлось знакомство читателей с историей и бытованием одного из многочисленных камчатских сёл первой четверти двадцатого века. При близком и глубоком изучении жизни большевецких ительменов (*интельменов* в авторском написании. — *Ред.*), на которых влияние русской культуры сказалось в большей мере, чем на жителях остальных камчатских поселений, невольно удивляешься их умению рационально вести хозяйство и приходишь в восхищение способностью людей приспособляться к выживанию в условиях суровой природы.

Состав отдельных частей рукописи, таких, как «Содержание собак, езда на них и устройство сбруи», «Изготовление батов и ходьба на них», на мой взгляд, не утратило значения для сегодняшнего дня, например, при организации экспедиций и работ в условиях Крайнего Севера.

Надеюсь, что археологов заинтересуют схема расположения строений Большевецка и часть «Где делать раскопки?», а диалектологов и лингвистов — часть «Разговорная речь» и словарь большевецких говоров.

СРЕДИ РЕК И ХРЕБТОВ

Село Большевецк располагалось на юго-западном побережье Камчатского полуострова. По моим расчётам, его географическое положение определялось $53^{\circ}56'$ северной широты и $157^{\circ}36'$ восточной долготы.

Я знал Большевецк до 1928 года, то есть почти до конца его существования. Село раскинулось возле устья небольшой речушки Паранчиновой и её протоки Мостовой. Обе эти речушки текли с севера на юг и впадали в довольно просторную, бегущую с востока на запад реку Манаковую. Эта

река образовалась от слияния, примерно в пятистах метрах от села, тундровых рек Гольцовки и Роговой. Являясь протокой реки Плотниковой, текущей с южной стороны села, Роговая приняла по пути в Большевецк ещё одну протоку Плотниковой, так называемую «реку Белой глины».

По очертаниям обсохших берегов Паранчиновой и Мостовой видно, что обе они в прошлом были широки и глубоки и некогда делили прежний Большевецкий острог вместе с рекой Манаковой на острова. Не случайно С. П. Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» упоминал, что острог расположен на островах.

Старожилы рассказывали, что ещё в мою детскую пору Паранчинова, вытекавшая из реки Быстрой, в половодье подмывала берега. Опасаясь гибели строений, жители укрепляли яр плетнём и служили молебны, прося у Бога защиты. Своенравная река Быстрая, часто менявшая берега, в конце концов, изменила направление течения, затёрла галькой выход Паранчиновой, от чего та и Мостовая превратились в родниковые речки с глубиной по щиколотку.

Словно охраняя село с северной стороны, метрах в четырёхстах от него несла прозрачную воду Грунчина — протока реки Быстрой, такая же по силе, как и Манаковая. А за нею далее на север, в двух километрах от жилья, волнуясь на шиверах (значения местных слов и выражений приведены в «Словаре большевецких говоров», включённом в приложения. — *Ред.*), мчалась от Малкинских хребтов и сама река Быстрая. Все четыре реки: Быстрая, Грунчиная, Манаковая и Плотникова в мою бытность сошлись почти в одном месте, в километре от села. Отсюда они бежали на запад к Охотскому морю, образуя Большую реку.

От Большевецка до кошки, отсыпанной морем и постепенно отодвигавшейся Большой рекой на юг, считалось не более трёх десятков километров, или день ходу на не очень грузёном бату.

Место, где был поставлен острог, мои предки облюбовали не случайно. Две полноводные, быстрые, с крутыми шиверами и россыпью проток реки Быстрая и Плотникова образовывали

при слиянии словно бы клин. Он надёжно оберегал здешних жителей от набегов соседей и курильцев, приплывавших на байдарках по Охотскому морю с мыса Лопатки с целью пожить в их скудном добром и захватить пленниц в наложницы.

Поросшие лесом берега рек являлись надёжным поставщиком леса-наносника, который при тогдашних орудиях труда из камня облегчал строительство юрт, балаганов, барабар, служил для отопления, приготовления пищи и материалом для изготовления домашней утвари и инвентаря.

На обширных косах, устланных камнями всевозможной величины и разновидности, без особого труда собирались материалы, использовавшиеся для изготовления топоров, ножей, наконечников, скребков, жирников, прочего хозяйственного инвентаря. Соседство и обилие незамерзавших или полузамерзавших рек и ключей позволяло человеку промышлять рыбу для корма собакам и собственного пропитания с марта почти до января, а уток — так и круглый год.

С восточной стороны в поселок властно вклинивалась сухая и кочковатая тундра с жимолостью, голубицей, клюквой, брусникой, шикшей и морошкой, а кочки, наступавшие с юго-запада, запада и севера, в летнее время были сплошь усыпаны нежной и румяной княженикой, напоминавшей малину. Вблизи росли съедобные и лечебные травы и коренья.

На северо-востоке, километрах в пятидесяти от Большерецка, возвышались Малкинские хребты, а на юге, примерно на таком же расстоянии, виднелась гора Ипилька с другими сопками. Далее сопки, южнее Ипильки, сверкая на солнце большую часть года лунной голубизной, поднимался величественный пик Опальской горы высотой 2 470 метров. Подножия этих сопки и хребтов являлись традиционными местами промысла соболя.

За реками Быстрой и Гольцовкой, в трёх километрах от Большерецка, находился обширный массив берёзового леса, годного не только на дрова, но и на строения. Заяц, горностаи, лисица и выдра водились в непосредственной близости от жилья.

Все эти удобства, подаренные природой первобытному человеку, и послужили причиной размещения здесь как поселения ительменов, так и первого российского острога, основанного там же бывшими спутниками Владимира Атласова.

Расцвет Большерецкого острога обязан не только благоприятному сочетанию природных условий. Первоначально, после прихода русских и их поселения здесь, в его развитии и становлении немаловажную роль сыграло его местонахождение. Отсюда шли пешие и нартовые дороги по четырём главным направлениям, поэтому управлять остальными камчатскими острогами и свозить их ясачную казну в этот центр представлялось наиболее удобным. Один такой путь лежал по острогам Охотского моря через Облуковину до Верхнего Камчатского острога. Его протяжённость равнялась четырёмстам восьмидесяти шести верстам. Второй путь на восток в двести сорок две версты пролегал через остроги Апачу и Начику до Налычево. Третий — на северо-восток, проходивший опять же через Апачу, Малку и Ганалу, тянулся на двести сорок вёрст до Верхнего Камчатского острога. И, наконец, четвёртый, проходивший через острожки Опалой, Кошегочек, Явино, Озерную до мыса Лопатки, исчислялся двумястами десятью верстами.

Но наивысшая выгодность расположения Большерецкого острога выявилась после открытия в 1715 году морского пути на Камчатку из Охотска. В устье Большой реки теперь стали заходить суда, заполненные провиантом и походным снаряжением, которые после их разгрузки на берегу естественной гавани в устье речушки Чекавиной доставлялись в Большерецкий острог на батах и нартами собак. Обратным же путём суда увозили в Охотск пушнину, собранную в счёт ясака, и изделия из кожи оленя. В связи с этим с той поры прекратился окружной путь из Большерецкого острога через Чукотку в Якутск.

Значительное время в Большерецком остроге находилась приказная изба, где велось следствие по повстанческому делу камчадала Федьки Харчина. Под руководством капитана М. П. Шпанберга в остроге строились суда, отправлявшиеся

в плавание к берегам Японии. Здесь же с октября 1737 по июнь 1741 года прожил студент С. П. Крашенинников, будущий академик, изложивший свои исследования в «Описании земли Камчатки». Даже после основания Петропавловска Большерецкий острог ещё какое-то время оставался центром политической и административной жизни полуострова. В мою же бытность, до прихода советской власти, село Большерецк являлось уже только центром волости.

НЕРАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Ещё до похода казачьего пятидесятника Владимира Атласова на Камчатку в Якутске знали об её существовании. Атласов, отправленный из Якутска в Анадырский острог в 1695 году, был, очевидно, также осведомлён, как и его соратники по походу, о наличии страны, богатой пушным зверем, расположенной на юге за Олюторской землёй, и проживавших там неясчных людях.

Известие о Камчатке, вероятнее всего, поступило от охотников, партиями проникавших из Колымы в район устья реки Пенжиной. Эти промышленные люди при соприкосновении с коряками, конечно же, общались со старшими родов, стада оленей которых паслись и откармливались на землях, принадлежавших, как они считали, только им. Такое положение среди коряков считалось естественным и сохранялось, по крайней мере, до моего пребывания в Большерецке. Поэтому, когда отцу или моим землякам требовалось оленьё мясо и выделки из его кожи, они обычно говорили, что им нужно поехать, скажем, в Соболево к коряку Кочвену. Местопребывания Кочвена они, разумеется, не называли, так как оно периодически менялось по тундрам его владений.

Промышленные люди наверняка выспрашивали у коряков об их ближайших соседях на юге. Поскольку земли не имели никакого названия, а различались только по имени живущего там рода, владевшего стадами оленей, коряки могли отвечать охотникам, что там, дальше за ними, живут люди старшего рода Камчи, или Камчь. Надо заметить, что

окончание «ча», или «чь», в камчадалских именах в прошлом являлось распространённым. В Большерецке, например, есть реки, названия которых присвоены, очевидно, русскими по именам живших там в прошлом тойонов (племенных вождей. — *Ред.*) и отдельных лиц. Например, Карымча, Амшигача, Каначь, Паранча, село Апача, река Авача и прочие.

Если читатель знаком с русской историей, то он обязательно заметит, что прежние имена людей, даже в официальных бумагах, упоминались не иначе, как уничижительно, например: Семейка Дежнёв, Володька Атласов, Морозка Сторицын и т. п. И если мы так же изменим имена вышеупомянутых тойонов и ительменов, то увидим, что они будут соответствовать: Карымча — Карымчатка, Амшигача — Амшигачатка, Каначь — Каначатка, Паранча — Паранчатка, Апача — Апачатка и Авача — Авачатка, а Камчь, или Камча, — Камчатка.

Моя догадка подтверждается ещё и следующими общеизвестными фактами. Из истории Камчатки мы знаем, что населявшие её народы, кроме ограниченных набегов на соседей, войн не вели, жили разрозненно, сами по себе, по рекам, никому не подчинялись и в высшее существо не верили. Поэтому среди них не могло быть военачальников, правителей или человека, олицетворявшего божество.

Таким образом, мы приходим к выводу, что полуостров Камчатка получил своё название от случайного и совсем не знаменитого камчадала.

Я мог бы и не утруждать читателя, рассказывая о происхождении названия «Камчатка». Но ввиду того, что по этому вопросу существует много суждений, и все они мне кажутся неправдоподобными, вынужден изложить свои догадки. Кроме того, история возникновения и развития Большерецка неразрывно связана с открытием и освоением Камчатки.

СТРОИТЕЛЬСТВО ОСТРОГА

Большерецкий инородческий острог Владимир Атласов мог посетить ранней весной 1699 года во время похода с севера полуострова Камчатки на юг, когда он, дойдя до реки

Голыгиной, вернулся обратно на Ичу. Ительмены поселились здесь, наверное, после ухода моря. О том, что по низменности между южной и северной грядой сопок в древности гуляли солёные волны, свидетельствует наличие под нетолстым слоем чернозёма окатанной гальки, характерной для дна неглубокого моря.

По свидетельству Крашенинникова, строительство первого русского острога в Большерецке приписывают себе боярский сын, первый приказчик камчатских острогов Тимофей Кобелев и служилый Михаил Зиновьев, деятельность которых на Камчатке относится к 1703—1704 годам. По всей вероятности, Кобелев как старший по службе давал только распоряжение о строительстве, а непосредственным исполнителем, вроде современного мастера на объекте, был Зиновьев.

Нелёгкая доля выпала первым строителям. Из-за малочисленности служилых и боязни обострения отношений с аборигенами, они не привлекали ительменов к принудительным работам, как это практиковалось позже. Рассчитываться за пользование собаками с каюром и батами местных жителей они не могли, так как не имели товаров, поэтому отряд заготавливал лес и строил острог своими силами. За отсутствием тягловой силы лес подволакивали на себе к реке, где его плотили и сплавливали.

Как бы не были хорошо сшиты торбаса из оленьей кожи, они всё равно пропускали хребтовую воду, холодную даже в жаркую летнюю пору. Ненастная погода не давала возможности своевременно сушить кожаную одежду и обувь на вольном ветру, в результате они всегда оставались влажными и потому неприятными. Строителей одолевали бесконечные чирьи, работать приходилось с оружием за спиной, ночью нести зоркий караул. Цинга каждую весну уносила в могилу наиболее слабых.

За бытность Кобелева и Зиновьева, возможно, в Большерецке выстроили только зимовье, которое позже обстроили как острог. Это подтверждается распоряжением прибывшего после Кобелева приказчика, боярского сына Михаила

Черкашенина. Он, по словам Крашенинникова, «отправил служилых пятнадцать человек на Большую реку... и велел оным служивым на Большой реке острог построить и аманатов с тутошних камчадалов побрать, которые, пришед на Большую реку, той осени ясашную и казённой анбар и зимовье построили».

Строительство и укрепление острога, очевидно, продолжалось до нападения большерецких камчадалов, которые в 1707 году, перебив команду служилых, сожгли острог дотла. На месте сожжённого новый острог строили сами большерецкие камчадалы где-то между 1707 и 1709 годами. Отправным же моментом для дальнейшего развития и становления Большерецкого острога следует считать 1710—1711 годы, когда служилые Анциферов и Козыревский «ниже прежнего ясачного зимовья острог земляной построили, а в нём ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стоялой бревенчатой поставили».

ИЗМЕНЫ И БУНТЫ

На смену Черкашенину 25 сентября 1704 года камчатским приказчиком приехал боярский сын Василий Михайлович Колесов. Собрав ясак за 1705—1706 годы, Колесов выехал с Камчатки на реку Пенжину, оставив в Верхнекамчатске, Нижнекамчатске и Большерецке закащиками, соответственно, Фёдора Анкудинова, Фёдора Ярыгина и Дмитрия Ярыгина.

Почему же местные жители учинили нападение на острог Ярыгина в Большерецке? Необычные поселенцы с незнакомой речью на этот раз, видно, не собирались уходить из Большерецка. Под их пилами и топорами и без того не густой лес заметно поредел. Зверя и птицы вблизи стало меньше, лучшие и близкие тони, на которых аборигены ловили рыбу, заняли казаки.

Во время кратковременного пребывания Атласова в Большерецке ясак не собирался. Первый большерецкий приказчик собирал ясак по вольной, а теперь его сдача стала

обязательной, причём в обременительном количестве. Контроль и учёт поступления ясака отсутствовал, должность его сборщика стала доходной, что породило произвол...

Попытаюсь восстановить события, предшествовавшие измене и бунту. Старшие родов из восточных и южных островов, раскинувшихся по берегам рек Быстрой и Плотниковой от Карымчатой до Каначевой, собрались в просторной юрте тойона Кургухтача, жившего в четырёх верстах от Большерецкого острога на реке Большой.

От невиданного многолюдства в юрте стало тесно. Торбаса, обильно смазанные прогоркшим медвежьим жиром, пахли ворванью, кожаная одежда, пропитанная потом и окуренная дымом очагов, распространяла терпкий запах.

Около притухшего костра среди юрты, возле отверстия на крыше для выхода дыма, лежала сучка, откинув хвост и вытянув ноги. Полугодовалые щенки расположились тут же около огнища. Иногда животные лениво вставали, потягивались, выгнув спину, и нехотя подходили к большому корыту, в котором семья при помощи раскалённых камней варила пищу, вылизывали его, хрустели остатками костей и не спеша, разморённые теплом, отходили к другому корыту, чтобы утолить жажду.

Женщины среди собравшихся отсутствовали: по обычаю вопросы о нападении на противника решались без них. Присутствующие мало отличались от смуглого и приземистого человека с двумя чёрными косами на круглой голове, одутловатыми щёками и носом, схожим около ноздрей на кляп в собачьей сбруе, сидевшего отдельно на чурбаке. Это и был Карымча.

Фартовый охотник, лучший каюр, славившийся добротной нартой и собачьей сбруей, имевший хлётко бегавших ездовых собак, Карымча приплыл из дальнего острога, стоявшего в двух днях езды от Большерецка на реке Карымчиной, чтобы согласовать с сородичами день нападения на казаков.

— Как бы брумичи не приплыли. Ступай, Курухтач, к батам и выстави там караульных, — предложил Карымча, сворачивая голяшки бродней ниже колен.

Брумичами большерецкие камчадалы называли первых русских за огонь, который, по их мнению, при стрельбе вылетал не из ружей, а из их ртов.

Вынув из кармана плоский колтон, искусно сделанный из бараньего рога, Карымча извлёк из него лемешину — смесь чаги с золой и табаком, и положил щепоть за губу. Табак, выменянный у сборщика ясака на сиводушку, был крепким, лемешина приятно защемила, в голове посветлело, и у Карымчи появился дар речи.

— Вы уже, чаю, знаете, как большерецких жителей брумичи потеснили. Недалёк тот день, когда и до нас беда приплывёт. Наш прародитель Кутха не знал товаров белолицых, и мы сколько прожили, в них не нуждались. Да и зачем они нам? Разве в ушко их иголки вденешь жильную или крапивную нитку? Видите, как она гнётся?! — демонстрируя мнимые недостатки гранёной иголки, спрашивал Карымча.

— Если наши парни и девки будут также вольно якшаться с казаками, как это они делают сейчас, то разве все мы забудем свои обычаи и порядки? Пуганый зверь уйдёт к подножью хребтов, горбушечка, наша кормилица, разве придёт с моря в Большую реку? Голод и гибель ждёт и нас, и зверей.

Оглядев сумрачные лица собравшихся, довольный произведённым впечатлением Карымча продолжал:

— С какой стати брумичи требуют с нас ясак? Нам не нужны их железные топоры, ножи и разноцветные корольки для украшений. Мы с незапамятных времён пользуемся каменным, костяным и деревянным инвентарём и живём неплохо. Жили вольно, сами по себе, не ведая приказчиков и сборщиков ясака, так почему же мы не уничтожим их? Сидевшие одобрительно закивали.

После доводов Карымчи даже колеблющиеся ранее тойоны поняли, что время выступления настало и этим временем должен стать день, когда соседние кочки около казачьего острога густо обрастут чемерицей...

Конец июня в Большерецке на этот раз выдался особенно приятным. От молочно-серых промозглых туманов, приносившихся с моря ранней весной, теперь по утрам над реками

осталась только дымка. Реки вошли в берега. На смену гольцам, горбуше и чавыче приплыли первые гонцы летней хайко и красной (кеты и нерки. — *Ред.*). Подснежники и кукушкины цветы отцвели давно, летние ещё не появились, но возле лесин можно было встретить притаившиеся огромные орловые цветы с большими зелёными листьями и нежными белыми лепестками. Гордо стояли в рост человека толстые медвежьи дудки, ещё не покрывшиеся белой шляпой семенников. Сочные изумрудные чемерицы, полуметровые стволы которых густо опушились широкополыми листьями, обступили высокие кочки вокруг казачьего острога.

Был Петров день, предвестник скорого рунного хода горбуши. Казаки предвкушали угощение, расставленное на праздничном столе. Обед удался на славу. На столе стояла солёная и квашеная черемша, в деревянной чаше дымилась присольна из чавычьих пупок, варёные яйца здешних уток, чаек и мартышек-крачек лежали горками на каждого. Ловленные первисом — натянутой над рекой сеткой — утки, отдававшие рыбой, аппетитно поджаренные, красовались порциями.

Но не этого ждали казаки. Когда дежурные по кухне стали наполнять мутной жидкостью ценинные кружки, все оживились. Брагу приготовил бывалый казак, породнившийся с Большерецком ещё во время похода с Атласовым. Брага из сладкой травы, настоянная на берёзовом соку и заправленная ржаной мукой из казённого амбара, пьянила. После второй кружки казаки стали куражиться. Вспомнили далёкую родину на западе от Чукотки, изнурительные походы по Камчатке и строительство острога в Большерецке.

— Зачем мы пришли сюда? — хныкал один из гуляк, спрашивая окружающих.

В группе выпивших разгорелся спор из-за якобы неправильного дележа добычи в предыдущем походе. Двое взяли за ножи, но их растащили приятели.

К вечеру почти все были пьяны. Кто валялся около изгороди острога, кто блевал, держась за столб балагана, а двое, распутив вольных собак, отдохавших под ясачной избой, легли между сваями и безмятежно спали вместе со щенятами.

Стояла сухая погода. Частокол, окружавший строения острога, высох. У его подножия путалась прошлогодняя сухая трава. Когда люди Карымчи со всех сторон подождгли их, с рек Мостовой, Петровичей, Грунчиной и прилегавших ключиков, тревожно попискивая и крикая, поднялись табунчики ночевавших куличков и уток.

Славших тяжёлым сном пьяных казаков ительмены быстро перекололи по одиночке без сопротивления.

Опутав руки ремнями, полураздетого закащика Ярыгина привели к своей юрте и сбросили вниз через единственный выход на крыше. Отдохнув и посоветовавшись, победители свесили с мотни юрты два крюка из оленьих рогов, подцепили Ярыгина за сухожилия ног и как тушу зверя подвесили вниз головой. Вспомнили про ненавистный ясак и свой обычай наказания воров. Голые руки Ярыгина обмотали берёстой и подождгли её. Когда звериный инстинкт у этих грубых и жестоких людей приутих, они снова отправились в поверженный острог и сождгли его дотла...

Разгромив русский острог, мои далёкие предки считали, что теперь они навсегда избавились от неугодных пришельцев. Но их чаяния не оправдались.

Для приведения «изменников» к прежней покорности, по свидетельству Крашенинникова, летом 1710 года на них неудачно ходил служилый Иван Харитонов. Участника этого похода Ивана Козыревского, возвратившегося в Верхний Камчатский острог, приказчик Миронов немедленно посадил в «казёнку». Дальнейшие трагические события развивались со скоростью кома снега, катящегося с вершины хребта. Все три приказчика — Атласов, Чириков и Миронов, оказавшиеся по стечению обстоятельств на Камчатке, погибли от рук служилых. Эти выступления казаков проходили за пределами Большерецкого острога, поэтому не буду доискиваться их причин. Скажу лишь о том, что в результате тех волнений, оказавшихся важными для будущей судьбы моего Большерецка, главных закопёрщиков из числа служилых: Данилу Анциферова «назвали атаманом», Козыревского — «ясaulом, иных верстали в ясаулы ж и десятники».

Зная местность, природу и нравы моих предков, невозможно отказаться от соблазна попытаться восстановить последующие события, памятуя, что они оказались решающими для становления и истории Большерецкого острога.

...Смутное предчувствие чего-то недоброго терзало Анциферова. Как-то посмотрят в Якутске на самоуправство служилых? Кто сможет понять обиды и горе казаков, находящихся от Якутска за сотни дней ходьбы до Камчатки?

— Не придётся ли нам с тобой, Иванушка, на ветле висеть? — сказал Анциферов, глядя на Козыревского. — Да и казака долго без занятия нельзя оставлять наедине со своими думами. От свободного времени у служилых могут появиться ненужные размышления. Тут и до новых смут недалеко. Да и нам с тобой перед якутским начальством надо как-то оправдаться и от дыбы избавиться. Снагитуй — обеспечь всем необходимым — отряд, и давай-ка отправимся в поход на большерецких изменников. Усмирим там непокорных, приведём их к прежнему платежу ясака, новый острог в Большерецке построим и, глядишь, за верную службу царской милости удостоимся.

Так Данила Анциферов с Иваном Козыревским собрали служилых и в апреле месяце 1711 года командую в семьдесят пять человек да с архимандритом Мартинаном¹ двинулись в поход на Большую реку.

Когда тальники украсились вербами, наши путники оказались на реке Быстрой в двух верстах от Большерецка, где заметили торную дорогу.

— Неужели в Большерецке поселились иноверцы? — раздумывая, спросил Козыревский.

— Ничего удивительного, — подтвердил Анциферов, глядя в направлении дороги, терявшейся в прибрежных прутьях на повороте. — Прикажи десятникам проверить оружие и дай команду приготовиться к бою.

Не успел Козыревский исполнить приказание, как на бугорке показалась упряжка собак. Передние собаки, заметив толпу незнакомых людей, остановились, путаясь с коренными.

— Ну-ка, хей, хей, что стали? — послышался сердитый голос каюра.

Поднявшись с сиденья нарты, каюр, наконец, заметил отряд и, пытаясь повернуть упряжку вправо, закричал: — Кахка, кахка.

Передовик нехотя свернул с дороги в глубокий снег, запутался потегом за куст и сел, прерывисто дыша.

Бросив упряжку собак, каюр пустился бежать в родной острог, чтобы оповестить о надвигающейся беде. За ним погналась часть служилых, стреляя на ходу.

Как только послышалась стрельба, большерецкие камчадалы заняли боевые позиции на стенах бревенчатого острога, впустили насмерть перепуганного каюра в ворота, заперли их и отогнали преследователей стрелами.

Отряд Анциферова, обнаружив на месте прежнего русского жилья вновь выстроенный крепкий острог иноверцев, обложил его и через непродолжительное время овладел, захватив в аманаты «лучшего мужика» Кашугу. При штурме были убиты трое служилых.

После того как Анциферову удалось «обласкать» и посадить в аманаты Карымчу с его верными приятелями, за которых вместе с Кашугой большерецкие камчадалы обязались платить ясак, известный и наиболее влиятельный тойон Канач, живший со своим родом в двадцати верстах ниже Большерецка на тундровой реке Каначевой, стал готовиться к отлучению. По последнему насту от него начали разъезжаться в соседние остроги на лучших собаках под видом поездки в гости доверенные посыльные. Так, эстафетно передавая весть от одного к другому, вскоре стало известно о падении Большерецкого острога остальным селениям, раскинувшимся вплоть до рек Авачи на востоке, Опалой на юге и Воровской на севере.

Подготовка к штурму утраченного острога была непродолжительной, но энергичной. Мужчины рубили приснец (берёзовые ветки. — *Ред.*), рябину, готовя из них упругие луки, точили и подновляли каменные и костяные ножи и наконецники стрел и копий. Проконопаченные баты просыхали на

лѣжках. Бабы старательно ремонтировали износившиеся торбаса и шили новые, готовя мужчин к походу. Добротная юкола из чавычи и весенней красной вместе с вяленой икрой были готовы для укладки в калауз — вещевого мешок из нерпичьей шкуры.

Когда луки, натянутые жильной тетивой, оказались готовыми к бою, в район Большерецкого острога стали, как ручейки хребтовой воды, стекаться жители не только с рек, выпадавших в Охотское море от мыса Лопатки до Воровской, но и из восточных острогов — от Авачи до Апачи.

...В это ранее утро 22 мая 1711 года на пост заступил пожилой служилый. В предрассветной мгле то и дело шумели крыльями пролетающие утки. После Николина дня начался второй, самый густой перелёт чернедей. Смиренная, с чёрно-белым у селезня и чёрно-рыжим оперением по бокам у утки, эта чудесная птица собиралась в небольшие, но довольно плотные табунчики по курьям. В поставленный первис эти утки попадались чуть ли не всем табунчиком.

Слушая возню чернедей в устье Мостовой, служилый сильно продрог. Когда на смену тьме пришёл густой туман, он, оживлённо размахивая руками, быстро зашагал по настилу сторожевой вышки, разогревая натруженное походами тело. Движения согрели и ободрили. Облокотясь на перила, служилый долго рассматривал рыженьких длинноносых куликов на тонких ногах, заботливо обиравших прибрежный кругляк от наросших ракушек и червячков.

По реке Манаковой, урча, пролетел кем-то поднятый табун крохалей-сакшеек с боковым оперением, напоминавшим чешую. С ближайшей косы реки Манаковой, тревожно попискивая, поднялись кулички. Это насторожило служилого. Пристально вглядываясь в серую пелену тумана, он заметил возле крутого яра вершины мелькнувших шестов. Навстречу шедшим снизу батам, толкавшимся шестами, сверху Манаковой выплыли из-за острова сразу четыре паромы, заполненные людьми. Сомнений больше не оставалось: к острогу приближаются аборигены с недобрыми намерениями.

Скотившись с лестницы, служилый бегом примчался в избу Анциферова и разбудил его. Поднявшись на вышку, атаман увидел новые паромы с подплывавшими людьми и толпы пеших воинов, подходивших к острогу.

Как было намечено, наступающие собрались в обусловленный срок и обложили острог со всех сторон, всяко страдая осаждённых. Показывая кусок ремня, которым они намеревались связать и увести пленного в холопы, камчадалы кричали:

— Вот что вас ждёт, лучше сдавайтесь добровольно, а не то перебьём всех!

Прежний караульный, наблюдая за поведением крикунов, пригрозил:

— Погодите, нехристи, вот попьют казаки чаю, тогда возьмутся за вас, каторжных.

— Ах ты, рыжая борода, верно, забыл, как в протоке Белой глины я тебе в холку стрелу воткнул! Наверное, до сих пор зудится! — запальчиво ответил беглый толмач.

Пощупав застарелый рубец, оставшийся от раны после предательского нападения в пути от Апачинского острожка, караульный спрятался от пущенной стрелы за доску.

Не имея руководителя, камчадалы представляли собой трёхтысячную толпу, опьянённую прежними лёгкими победами над казаками. Они не любили печаль, которая для них была хуже смерти. Вот и сейчас, разбившись на кучки, шутили, просмеивая русских и своих земляков, передразнивали их неудачные действия, необычную походку или чью-нибудь нескладную внешность.

В осаждённом остроге зорко следили за поведением противника. Анциферов, ещё раз осмотрев расположение вражеских сил, приказал спокойно наблюдавшему Козыревскому:

— Вели строить служивых!

Анциферов говорил мало, но ободряюще, с неременной надеждой на успех, и речь свою закончил словами:

— Мы повергли своих приказчиков, а это нам, — он указал на север, — там не простят. Прощение надо заслужить сегодняшним боем. Русский казак не боится умереть на

поле брани. У нас есть порох и свинец, а смелость и смекалку должны проявить в схватке. Так чего же нам ждать? Велю немедленно выступить и отбить супостатов!

Лица служивых просветлели, в шеренгах подтянулись, нутро где-то возле сердца у каждого воина защемило.

Анциферов хотел уже дать команду на вылазку, но архимандрит Мартиниан, пошептав ему на ухо, стал служить молебн. Полы ризы и его длинные волосы развевались на ветру, ладан из кадила обкуривал лица служивых, луч солнца играл на распятии позолоченного креста.

Глядя на Мартиниана, прибывшего от «Филофея, митрополита Тобольского и Сибирского в 1705 году на Камчатку для проповеди слова Божия», Анциферов вспомнил, как он в Верхнекамчатском остроге после дележа пожитков приказчиков передал Мартиниану «шубу соболью лапчатую да Петра Чирикова грабленных дворовых людей камчадальской породы некрещённых робят иноземческим званием Щочко да Чистяк, да Володимера Отласова дворовую ж крещённую Настю». За это получил от проповедника благословение на управление камчатскими острогами.

— Святой отец, поторопитесь с молебном, — попросил Анциферов.

Архимандрит завершил молебн, пропев сирым басом:

— Да воскреснет Бог и растачает врази его!

Вслед за атаманом к кресту потянулись, не выпуская из рук оружие, служилые.

— Да благословит тебя господь на подвиг ратный за государя России и отечество. Во имя Отца и Сына, и Святаго духа, аминь, — произносил Мартиниан, благословляя каждого.

Натешившись шутками, многие из камчадалов ушли от острога к батам и стали заниматься своими делами. Одни из них варили на костре нехитрый обед, другие, проголодавшись, ели шеломайниковые пучки с солёными пупками из чавычи, иные чинили одежонку, износившуюся в походе, а кто и просто отдыхал, подставив лицо полуденному солнцу. Брать острог приступом никто команды не давал, кругом царило спокойствие и безмятежность. Все знали, что

осаждённым подмоги ждать неоткуда. Брумичи приходили каждый раз одни и те же и, по понятию коренных жителей, являлись беглыми разбойниками, от которых, уничтожив их полностью, можно теперь избавиться навсегда.

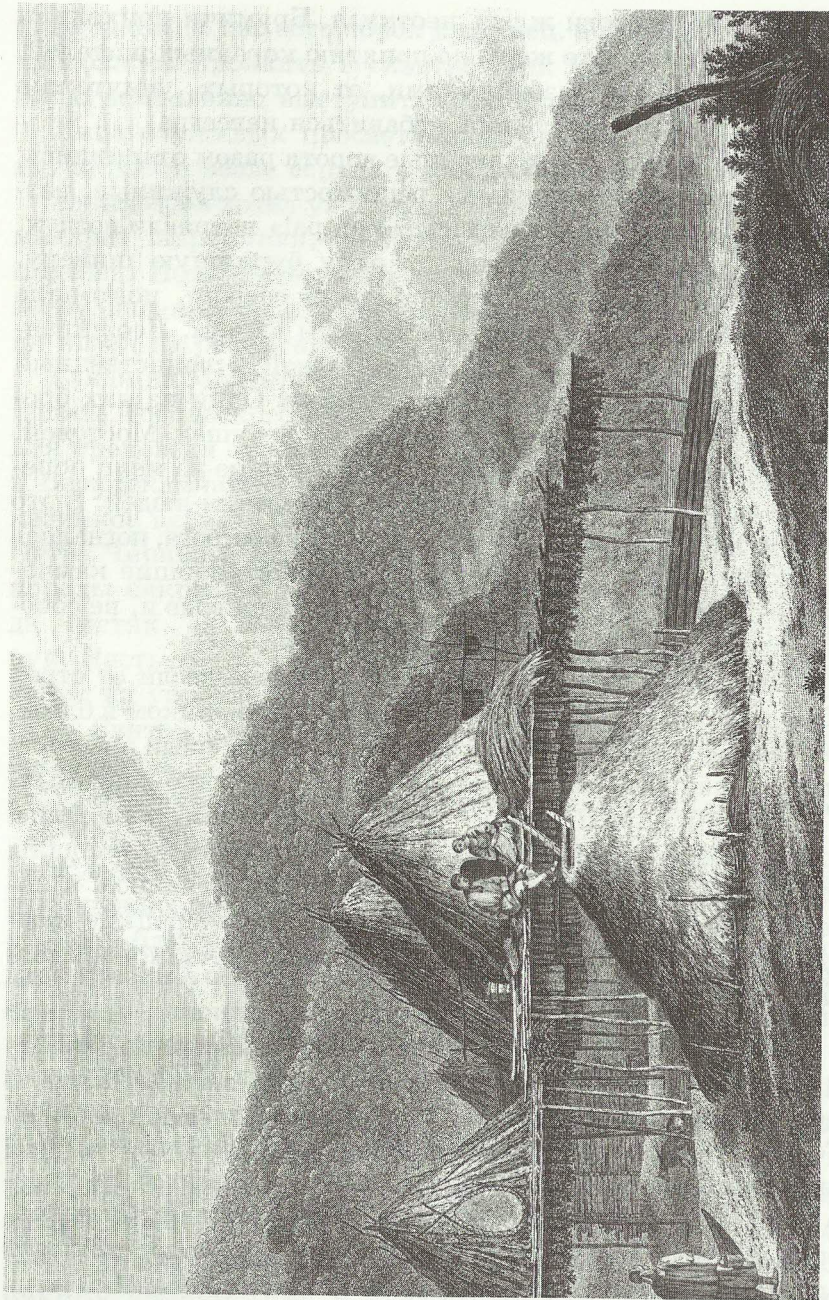
Но вдруг восточные и западные ворота разом отворились, из них высыпали одержимые решимостью служилые, раздался ружейный залп, возгласы «Урр-ра!» потрясли воздух, и толпа людей превратилась в одну бурлящую шиверу.

Половина служивых, оставшихся в остроге, повторила залп, и местность окуталась пороховым дымом. Неожиданность нападения, гром пальбы из ружей и воинственный клич вызвали среди камчадалов панику. Одни из них бросились к батам, пытаясь выплыть из речушек Мостовой, Паранчиновой и Петровичей, но застревавшие на мели попере́к русла баты образовали заторы и скопления людей. В это время вторая партия осаждённых, выйдя из острога, погналась за убежавшими к реке Грунчиной, где отступавшие камчадалы в спешке прыгали в баты, стоявшие на воде и, не соображаясь с их грузоподъёмностью, тонули.

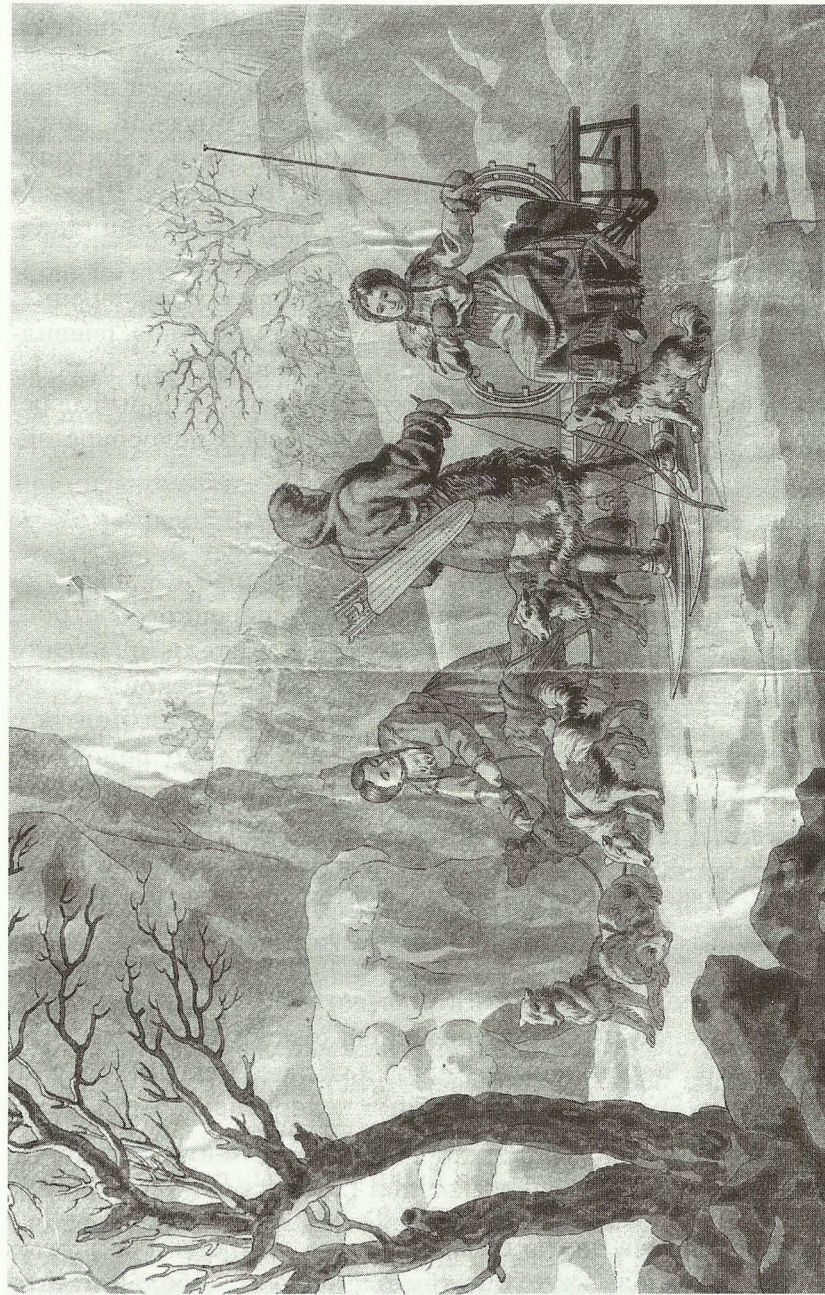
Защищённые стеганой одеждой служилые несли от стрел небольшой урон, стараясь сомкнуться с противником в ближнем бою, где верх оказывался за ними, поэтому среди них впоследствии нашлось лишь трое убитых и несколько раненных.

Не будем описывать все эпизоды схватки, напомним лишь о том, что вместо обещанных пленных камчадалы принесли в свои остроги печальную весть о главном и последнем своём поражении. С этих пор большевецкие камчадалы покорились навсегда, обещавшись установленный ясак сдавать ежегодно.

После описанных мною событий, достойным упоминания следует считать волнение ссыльных в 1771 году, так превосходно изложенное в небольшом, но ёмком романе «Государство солнца», написанном талантливым писателем Николаем Григорьевичем Смирновым, как видно, прекрасно знавшим обычаи моих предков, расположение Большевецка и окружающую его природу. Не буду пересказывать содержание романа, упомяну лишь о сути дела.

Летние и зимние жилища камчадалов. Английская гравюра 1784 года (из фондов КГБУ ККОМ)

Собачья почта. Гравюра И. Ламинита по рисунку Е. Кармеева (из фондов КГБУ ККОМ)

Польский полковник Беневский, сосланный русской царицей Екатериной II по политическим мотивам, поднял восстание и с единомышленниками и примкнувшими казаками овладел Большерецким острогом. Ранней весной, покинув устье Большой реки, бунтовщики уплыли в Европу. Праправнучка Мориса Беневского, Анна Фёдоровна Шалкон (Беневская), сейчас живёт на Аляске, в прошлом принадлежавшей России, на острове Кадьяк, в Анкоридже.

Волнения 1771 года долго не забывались в Большерецке. Наш дедушка, Константин Константинович Логинов, очевидно, помнивший рассказ своего отца, моего прадедушки, поведал эту быль моему старшему брату Николаю, который передал её мне, к великому сожалению, без особых подробностей.

СПУСТЯ ДВА СТОЛЕТИЯ

Отшумели описанные события, прошло время, управляющий камчатскими делами вместо Большерецкого острога обосновался в Гавани — так местные жители называли Петропавловск. Большерецк захирел. Вместо некогда центрального пункта всей Камчатки теперь он стал центром одноимённой волости. В селе осталось только волостное начальство, а от прежних «высших сословий» среди его жителей остались лишь пристав, поп, учитель и доктор. Приписанные к волости сёла в порядке общественной повинности по-прежнему помогали строить и содержать в исправности церковь, школу, медицинский пункт, мосты.

Многое изменилось в сознании большерецких обитателей за два прошедших столетия совместной жизни первобытных ительменов и пришедших сюда русских. Они взаимно обогатились, переняв друг у друга бытовые навыки, обычаи и культуру. Жители Большерецка теперь мало были похожи на прежних, представлявших в прошлом две этнические группы. В основном это были метисы, происходившие от смешанных браков русских с ительменами. Средний рост, правильные черты смуглого лица, широко раскрытые тёмно-карие глаза, жёсткие тёмные волосы, в большинстве

крупно-волнистые или вьющиеся, белые и спереди широкие зубы делали их похожими, скорее, на казахов или людей других национальностей. Некоторых селян со светлыми волосами, серыми глазами и белым лицом можно было почитать за русских.

Две другие группы составляли почти исключение. Одну — с чёрными, как маслины, глазами, такого же цвета прямыми волосами и продолговатым лицом — можно было отнести к южным камчадалам, близким к курильцам. Вторую — приземистых, с круглым лицом, мясистыми щеками, прямыми и чёрными волосами и бедным волосяным покровом на подбородке — следовало считать, очевидно, истинными потомками жителей Большерецка, поселившимися здесь до прихода русских.

Устье реки Большой, как и раньше, оставалось связующим звеном местного хозяйства с Россией. Торговля пушниной с Петропавловском при помощи проезжих купцов и случайных посещений Гавани жителями, отправлявшимися туда за второстепенными товарами, не являлась основной.

Вместо прежних юрт и курных изб в селе теперь жили в рубленых домах, крытых соломой, обогревались печью, сооружённой из привозного кирпича или самодельного необожжённого, а то и просто смастерённой из одной глины. Более состоятельные селяне имели дома, крытые железом. Про лучину забыли и освещались лампой, заправленной керосином, и лишь в худшие времена пользовались жирником. За редким исключением лишь в бедных семьях иногда продолжали вместо стёкол в оконные рамы вставлять медвежьи кишки.

Хозяйство оставалось натуральным. Источником средств, нужных для приобретения сторонних товаров, являлась добытая на охоте пушнина, поэтому жили скудно. На выручку от пушнины первым делом приобретали патроны к нарезному оружию, порох, капсюли и свинец. Затем покупали керосин, чай, капканы и немного муки и лишь при наличии оставшихся денег — что-нибудь из материи для пошива «лопоти». Хлеб употребляли в сугубо ограниченном количестве,

только во время чаепития, до которого мои земляки были большие любители.

В каждом хозяйстве имелось в среднем от трёх до пяти голов рогатого скота, по одной или две лошади и две-три собачьих упряжки. Питались в основном рыбой, мясом добытого зверя и картофелем.

Я забыл упомянуть, что это спокойное, но не славившееся достатком время, предшествовавшее русско-японской войне, ознаменовалось строительством в Большерецке мастерской. Её соорудили по инициативе волостного полицейского пристава из деревянного каркаса, обшитого оцинкованным железом. В мастерской площадью примерно шестьдесят основного и восемнадцать квадратных метров вспомогательного помещений обучались ремеслу ученики-подростки со всей волости. Они учились ковать принадлежности для собачьей упряжи, ножи, наконечники для шестов и марики, делать каминные трубы для охотников, производить другие жестяные работы, а также пользоваться столярным и плотничьим инструментом.

УСТЬЕ, КОШКА И ВОЙНА

После ухода в геологическом прошлом моря с будущей поймы рек Быстрой и Плотниковой и оформления их в одну реку Большую, последняя перед своим устьем первоначально текла, очевидно, возле увала, являвшегося её берегом с северной стороны. Но вследствие извечной борьбы реки Большой с Охотским морем на устье стала намываться песчаная кошка, удлинявшаяся с годами на юг. Длина кошки во время пребывания в Большерецком остроге С. П. Крашениникова не превышала трёх вёрст. В мою бытность, спустя двести лет, эта нерукотворная насыпь удлинилась вёрст на тридцать, а за последние сорок лет приросла ещё километров на пятнадцать.

Чтобы укоротить путь горбуше, идущей с моря, и тем самым ускорить её появление в реках, по рассказам отца, в кошке два раза прорывали канал, но с течением времени он снова

заносился морем. Парусные судна заходили в устье Большой со времён открытия морского пути из Охотска. Пользуясь приливами и отливами, проникая вглубь реки, они не только разгружались в летнюю пору, но зимовали и ремонтировались, как в естественном доке, в устье реки Чекавы. Ещё в мою бытность там стояли «государевы анбары».

Фарватер на устье был изменчив и потому небезопасен. Однако шхуны продолжали временами бросать якорь на Большой вплоть до прихода советской власти.

Богатое рыбой устье Большой реки в начале двадцатого столетия являлось удобным местом хищничества японских рыбопромышленников. Русско-японская война, начавшаяся из-за возрастающего влияния России в северо-восточной части Тихого океана и пробуждения самосознания могущественных сил японских рыбопромышленников, опоздавших к разделу мира на сферы влияния, привели к тому, что жители Большерецкой волости были вынуждены встать на защиту устьев своих рек с оружием в руках.

Не касаясь общеизвестных фактов, относящихся к обороне западного побережья Камчатки, я хотел бы упомянуть о некоторых деталях, переданных односельчанами, не встречавшихся мне в литературе.

Как только стало известно о войне, жители Большерецка стали готовиться к обороне. На месте вероятного появления противника, реке Быстрой, убрали с переправы баты. Перегнали на противоположный селу берег реки Манаковой коров и там доили их. Продукты, состоявшие из скудного запаса крупы, муки, вяленой и солёной рыбы, хранили там же, за Манаковой, в укромном месте. Оставшиеся в селах женщины и старики поставляли ополченцам одежду, торбаса и продукты в виде юколы и балыка. Жители были готовы в любое время покинуть село и укрыться за реками в гущине леса и шеломайника.

Вооружённые штуцерами, дробовиками, берданками и винчестерами большерецкие мужики вместе с жителями других сёл волости сплыли к устьям рек и охраняли их от наседавших японских рыболовных шхун. Позже к этим

защитникам присоединились ополченцы из восточных районов Камчатки и Петропавловска. Вместе они разгромили вооружённый отряд японцев, высадившийся в Явино, и не допустили захвата чужеземцами западного берега Камчатки.

Запомнился рассказ одной женщины о погибшем брате. Двое дозорных дежурили на отдалённом посту около берега Охотского моря, охраняя устье реки Воровской. Туманным утром, не обнаружив ничего подозрительного, оба находились в сторожке. Один из них, ничего не подозревая, вышел из помещения. Вскоре остававшийся внутри помещения Македон Ворошилов услышал возглас товарища:

— Японцы!

Македон схватил семизарядным винчестер и выбежал наружу. Ощувив острую боль и увидев кровь от ножевой раны в живот, ополченец не растерялся. Отбиваясь, он расстрелял в упор пятерых японцев, остальных обратил в бегство. Враги спешно бросились в лодку и уплыли к стоящей на рейде шхуне. Пришедшие позже сменщики нашли обоих охранников и полдюжину японцев мёртвыми. О разгравшейся здесь трагедии узнали из записки, написанной Македоном собственной кровью.

В этой войне Россия потерпела поражение, потеряла половину острова Сахалин. Войска генерала Куропаткина отступили под Лаоляном, эскадра адмирала Рожественского погибла в Цусимском бою, но жители Камчатки не только отстояли свою землю, но и не допустили японских хищников к лову рыбы в их реках. Многие ли жители Большерецка получили за эту оборону Камчатки награды, не знаю, но у моего отца я видел бронзовую медаль, и если память не изменяет, то она была со следующим оттиском: «1904—1905» на одной стороне, а на другой: «За Веру, Царя и Отечество».

После войны 1904—1905 годов, последующих провокаций в прибрежных водах Охотского моря и на границах Дальнего Востока между жителями Большерецка и японскими подданными, работавшими на рыбоконсервных заводах, стоявших на кошке, отношения были сдержанными вплоть до прекращения действия рыболовной конвенции.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

После окончания войны между России и Японией, как известно, был заключён Портсмутский мирный договор, подписанный 5 сентября 1905 года. В его развитие оба государства решили заключить, кроме других актов, и рыболовную конвенцию. Делегация Японии настойчиво добивалась включения в отдельные статьи этой конвенции пунктов о праве их граждан на лов рыбы и добычу млекопитающих в территориальных водах России: не только в Охотском море, но и реках. Это могло бы дать японским рыбопромышленникам беспрепятственное и неограниченное право вылова рыбы в устье реки Большой, что обрекло бы местное население на голод. Такое требование как противоречащее интересам коренных жителей русская дипломатия отклонила, а взамен его японцам было оставлено право лова рыбы только по берегу Охотского моря в пределах трёхмильной полосы.

Из пятидесяти двух участков, сданных в аренду японским рыбопромышленникам на трёхлетие (1912—1914 годы) по западному берегу Охотского моря от Ичи до Озерной, восемь относились к большерецким и базировались на территории кошки. Все эти участки пользовались правом лова рыбы только на морском берегу.

Для определения местоположения участков вся кошка была разбита на вёрсты, где на каждой третьей располагалась территория для аренды морского или речного участка, или того и другого вместе. Участки приобретались рыбопромышленниками у казны на торгах, как русскими, так и японскими подданными (торги на предстоящий сезон проводились в феврале во Владивостоке. — *Ред.*). Наиболее выгодными считались участки, ближайšie к устью Большой реки, куда заходило наибольшее количество горбуши.

Из всех арендованных японцами участков один — на двенадцатой версте — не только занимался засолкой рыбы, но и готовил на имевшемся там заводе рыбные консервы. Русские рыбопромышленники, как правило, арендовали участки на речном берегу. Рыбы здесь ловилось довольно,